

ДМИТРИЙ ШМЕЛЬКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ

ВОЕННО-ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕДАННОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Шмельков

Последний друг

«Автор»

2026

Шмельков Д. В.

Последний друг / Д. В. Шмельков — «Автор», 2026

Среди разрушенного мира трое бойцов встречаются оставшегося в одиночестве щенка. Он входит в их братство и становится четвёртым. Для них он — чуткий слух, безошибочное предчувствие опасности и безмолвное напоминание о той жизни, ради которой ещё стоит сражаться. Для него они — единственный дом, уцелевший среди войны. «Последний друг» — история о дружбе, скреплённой не словами, а общей дорогой и готовностью остаться рядом до конца. О чести, которой не нужны свидетели. О преданности, не требующей награды.

© Шмельков Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Вжик	7
Глава 2. Саид	10
Глава 3. Рагуль	15
Глава 4. Выход	18
Глава 5. Один	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Шмельков

Последний друг

Пролог

Валентин обвёл стропу вокруг бедра Саида и начал затягивать, но пластиковый стержень турникета хрустнул у него в руке. На короткое мгновение среди грохота боя возникло почти личное раздражение: не страх, не растерянность — злость на кусок пластика,ломавший именно тогда, когда от него зависела чужая кровь.

Он отшвырнул бесполезный турникет, сорвал с приклада полосу велосипедной камеры и несколькими тугими оборотами перетянул ногу выше ранения. Такой способ когда-то показал ему в Чечне санинструктор с позывным Норман. Валентин запомнил его, как запоминал всё, что однажды могло сохранить человеку жизнь.

Разрезав штанину, он вскрыл зубами упаковку гемостатической марли и плотно затампонирует рану. Саид застонал и попытался оттолкнуть его руку.

— Потерпи, братишка.

Валентин удержал повязку до остановки крови, туго закрепил её и вколол обезболивающее. Саид сел, привалившись к стене, затем оттолкнул протянутую руку и пополз к окну. Если огрызался и пытался вернуться в бой — значит, пока держался.

Валентин поднял с пола автомат и, пригнувшись, переместился в соседнюю комнату. Почти сразу через пролом ударил выстрел из гранатомёта. Стена исчезла в дыму и бетонной пыли, взрыв швырнул его на пол, а мир на несколько секунд сжался до белого света и тонкого звона в ушах.

Когда слух вернулся, дом уже горел. До подхода своих оставалось больше двадцати минут.

Глава 1. Вжик

Валентин — невысокий, крепкого телосложения мужчина с седым ёжиком коротких волос, посечённым морщинами лбом и пронзительными зелёными глазами. Теперь, в свои сорок шесть, он выглядел старше. Восемь лет назад, когда всё это началось, Валентину было тридцать восемь. Не сумев сидеть дома и наблюдать со стороны, он явился в вербовочный пункт добровольцев армии новоиспечённой республики на юго-востоке Европы, боровшейся за независимость, чем немало удивил вербовщиков. В комнате пахло дешёвым табаком, дешёвой одеждой и сургучом. За тонкой стеной кто-то спорил из-за снаряжения, в коридоре хлопала дверь, а на подоконнике остывал чай в кружке с отколотой ручкой. Валентин стоял перед столом спокойно, держа в руке паспорт и заявление.

Капитан примерно его возраста усталым взглядом окинул Валентина.

— Не поздновато, дедуль? Не лучше бы с внуками остаться дома? — спросил он, приняв от Валентина лист заявки и паспорт.

Доброволец смотрел на капитана спокойным взглядом, давая тому время ознакомиться с заявлением.

— Ого, прошу прощения. — Вербовщик просмотрел дату рождения в паспорте и пробежал глазами по основным пунктам заявки, в графах которых содержались ответы на вопросы о пройденной службе в армии, участии в боевых действиях и так далее.

— Выглядите гораздо старше, — извиняющимся тоном произнёс капитан.

Валентин, привыкший к такой реакции на несоответствие его внешности реальному возрасту, не обижался, а в силу своего иногда не в меру скверного характера, подёрнутого чёрным юмором, частенько отпускал колкие шуточки. Вкупе с широким басовитым голосом периодически это выглядело жутковато. В этот раз он решил ответить не едко:

— Работа вредная была.

— Так, так... старший сержант, батальонная разведка, боевые... — Капитан перевернул листок, пробегая его глазами.

— Чечня? — Он поднял глаза на добровольца.

— Она родненькая.

— С таким послужным вы могли бы и через военкомат РФ зайти.

— Конечно, мог бы, да не хотят брать. Говорят, глаза слишком красивые, а в шлеме так и вообще отпад. Очень опасно, говорят, отправлять в бой с просвещёнными эуропэйцами, а ну как начнут мне пачками сдаваться, а кто их потом кормить будет? — пробасил Валентин.

Все шуточки для него в действительности не были шутками в том смысле, что он не пытался кого-то рассмешить. В действительности такой была его натуральная речь.

Капитан поперхнулся смешком и, ухмыльнувшись, спросил:

— А в «оркестр» не пробовали? Нет, я не то чтобы отговариваю — нам такие кадры ох как нужны, но у нас обычно люди попроще, хотя всякие бывают, да и платим мы только на хлеб с молоком.

— С молоком это хорошо, молоко я люблю. А музыку я с детства как-то не очень. Гастроли там всякие, а ну как продюсеры пошлют ещё куда-нибудь выступать перед свободными народами Африки или Аравии, а я обезьян с крокодилами доить не умею. Да и славу я тоже не очень-то уважаю. А у вас тут как раз многие всё скачут и ищут какого-то «славу», которого «урунили». Надо бы им уже наконец помочь его найти — ну или наоборот. Это уже как выйдет. Но помочь им очень нужно, не могу оставаться в стороне, когда люди в беде.

Заявление приняли без лишних проволочек, но окончательного решения Валентин ждал несколько дней. Его возраст вербовщиков смущал меньше, чем привычка задавать вопросы о маршрутах, связи и порядке подчинения ещё до того, как ему выдали форму.

Позывной «Вжик» он получил ещё в Чечне. Помните такого мультипликационного героя из «Чипа и Дейла»? Да, это такая муха с огромными глазами, которая на самом деле не имела с Валентином никакого даже отдалённого сходства. Ну так вот, когда-то именно Норман дал Валентину этот позывной, на справедливый вопрос Валентина «Почему это я Вжик?» дал симметричный ответ: «Потому что не жужжи. Жу-жу-жу, жу-жу-жу — как большой полосатый мух». Тут нужно объяснить. Валентин очень въедливый, и если его что-то заинтересовало, а вы, не дай бог, обладаете ценной информацией в занимавшей его сфере, количество и скорость вопросов, обрушиваемых им на вас, превысят скорострельность АК-74. Валентину не нравилось, что он какая-то муха, но сослуживцы подхватили моментально, а от мнения самого Вжика мало чего зависело. Со временем он привык, а потом ему стало нравиться. Ещё чуть погодя он даже заказал себе патч на плечо с изображением того самого мультипликационного героя.

В Чечне за этой въедливостью скрывалось простое правило: если чего-то не понял до выхода, разбираться под огнём будет поздно. Однажды их разведгруппа попала под плотный огонь на обратном пути. Нормана тяжело ранило, но посчитавшее его погибшим командование приказало отходить, решив, что вернуться за ним уже невозможно. Валентин приказ не выполнил. Он добрался до бессознательного Нормана, оказал первую помощь и сам вытащил его через ложбину, куда противник не мог перенести огонь. После этого случая сослуживцы окончательно усвоили: Вжик может спорить, раздражать и доводить вопросами, но своего не оставит.

После возвращения из Чечни Валентин долго привыкал к мирной жизни, которая казалась непривычно медленной и временами почти ненастоящей. Он сменил несколько работ, пока не оказался в частном учебно-тактическом центре, созданном ветеранами боевых действий. Там Валентин обучал огневой подготовке, ориентированию на местности, скрытному передвижению и действиям в составе малых групп. Большинство учеников составляли сотрудники ЧОПов и люди, которым оружие требовалось по работе, хотя иногда приезжали и обычные гражданские, уверенные, что после нескольких дней тренировок превратятся в бойцов специального назначения — всякого рода выживальщики и увлекающиеся романтикой войны по типу страйкболистов. Таких Валентин особенно не любил и обычно возвращал к действительности уже в первые часы занятий.

Он не любил говорить с учениками о старых победах, не рассказывал занимательных историй о войне и никогда не поощрял фотографирование с оружием ради красивой картинки. Зато заставлял десятки раз повторять самые простые действия, пока они не превращались в рефлекс, и объяснял, что человек чаще всего погибает не потому, что противник оказался сильнее, а потому, что сам однажды решил: на этот раз можно сделать кое-как. Именно там его въедливость окончательно превратилась в профессиональную привычку.

Жениться Валентин так и не смог, хотя честно пытался наладить совместный быт с дамами, потому что понимал — любому бойцу нужен крепкий и надёжный тыл. Но все отношения постепенно рассыпались: одним женщинам не нравился его характер, другим — постоянная внутренняя собранность, из-за которой он даже дома продолжал прислушиваться к звукам за дверью и автоматически выбирал место лицом ко входу, и подобное поведение насторожённого человека с опытом. Сам Валентин считал, что ему просто не встретишься женщина, способная понять его и стать тем самым настоящим тылом. Возможно, он был прав, а возможно, дело заключалось в том, что, всю жизнь ожидая от кого-то нужное ему, сам он так и не научился становиться домом для другого человека.

Со временем Валентин свыкся с одиночеством или убедил себя, что одному лучше. Работал, поддерживал форму, изредка встречался с прежними сослуживцами и держал снаряжение в таком порядке, словно очередной выход мог начаться в любую минуту. Когда на юго-востоке появились блокпосты, обстрелянные дома и люди, уходившие из городов с тем, что успели

унести в руках, ему не потребовалось времени, чтобы признать очевидное: сидеть дома он всё равно не сможет.

Норман к тому времени уже знал людей, собиравших разведывательное подразделение добровольцев. Он позвонил старому сослуживцу, коротко поручился за Валентина и предупредил, что тот будет задавать слишком много вопросов. Поэтому, когда документы наконец оформили, Вжика не отправили в общую роту. Его определили в сводный добровольческий батальон и разрешили самостоятельно подобрать тройку. Так рядом с ним появились Саид и Рагуль.

Глава 2. Саид

Саид — позывной молодого парня по имени Андрей. Невысокий, сухощавый, с тёмными глазами, чёрными как смоль волосами и явно выраженными восточными чертами лица, он казался младше своих лет. Андрей увлекался лёгкой атлетикой, умел двигаться легко и бесшумно, а его небольшие габариты, выносливость и владение «Винторезом» сделали его отличным разведчиком.

Андрей рос без отца: мать, украинка по происхождению, почти ничего о нём не рассказывала. Он лишь знал, что тот был иностранным студентом — то ли из Ирана, то ли из Ирака, то ли из Афганистана — и исчез, едва узнал о беременности. Андрей окончил школу и поступил на первый курс Одесского технологического университета. Он ещё не успел закрыть первый семестр, когда в его стране произошёл переворот. Сначала Андрей воодушевлённо встретил происходящее в первые дни Майдана, но затем всё быстро вышло из-под контроля, и благие намерения первой волны участников были быстро перехвачены заинтересованной стороной и превращены в вооружённый переворот с захватом власти.

Андрей был мальчишкой толковым, и в его голове быстро закралась мысль, что всё это ни к чему хорошему в дальнейшем не приведёт. Дальнейшие события подтвердили его худшие опасения.

В стране начались процессы, которые никак нельзя было назвать нормальными. Лишившаяся уже части своей земли страна начинала трещать от недовольства политикой новой власти. Андрей не считал себя русским этнически. Мать — украинка, отец вообще непонятно кто, но тот образ жизни, который они вели в старом русском городе-герое Одессе, однозначно говорил о его принадлежности к русскому миру, что бы это ни значило. Да и говорили они на чистейшем русском языке. Первое серьёзное потрясение Андрей испытал 2 мая 2014 года, когда в Доме профсоюзов толпы фашиствующих отморожков живьём сожгли полсотни человек, которые пытались отстоять своё право на русский язык. Затем всего через несколько дней его страна умыла кровью Мариуполь, открыв стрельбу по гражданским прямо в День Победы. Но только это уже были не какие-то «правосеки» или футбольные фанаты — это была армия. И вот этот самый момент Андрей посчитал точкой невозврата. Или даже чертой, которая совершенно чётко разделила жизнь до и после. С такой страной он больше ничего не хотел иметь общего. После недолгого разговора с матерью — благо она тоже придерживалась мнения сына — они, насколько быстро это было возможно, продали квартиру за наличные и, погрузив весь свой нехитрый скарб в старенький минивэн, купленный у соседского старика, выдвинулись в сторону границы с недавно самопровозглашённой Донецкой народной республикой и Ростовской областью РФ.

Из Одессы они выехали затемно. Во дворе ещё горели редкие окна, когда старенький минивэн, набитый вещами так плотно, что в зеркале заднего вида оставалась только узкая полоска дороги, покинул город. Мать держала на коленях сумку с документами и несколько раз спрашивала, ничего ли они не забыли, а Андрей отшучивался, что забыли почти всё, кроме самого необходимого: выехать.

Двигаться было решено по южной части страны кратчайшим путём через Николаев, Херсон, Мелитополь и Мариуполь. Маршрут до Таганрога составлял около 800 км, и это расстояние Андрей планировал преодолеть часов за двенадцать. Дорога шла довольно спокойно, но чем ближе к Мариуполю, тем чаще стали встречаться военные колонны. Перед въездом в город был организован блокпост, преграждавший въезд на развилку объездной и сквозной дорог. Военный в полном боевом обмундировании указал водителю стволом автомата на обочину, требуя остановки. Андрей послушно свернул к обочине, остановился, заглушил двигатель и, демонстрируя военному, что он не планирует какого-то противодействия, медленно вышел из

автомобиля. Мать внимательно смотрела, как Андрей, держа руки на виду, подошёл к военному и о чём-то заговорил. Андрей указывал руками в разные направления, на что солдат отрицательно вращал головой и, жестикулируя свободной от удерживания автомата рукой, что-то объяснял сыну. Спустя ещё примерно минуту разговора Андрей кивнул и пошёл к машине. Он открыл дверь, но садиться не собирался — он нырнул под сиденье и вынул оттуда прямоугольный свёрток.

— Андрей, всё в порядке? — Мать вопросительно смотрела на сына.

— Сейчас, мамуль, сейчас всё будет в порядке.

Он развернул свёрток, в котором оказалось несколько пачек с долларовыми купюрами; он выдернул из одной из них несколько купюр, отсчитал несколько штук и сунул себе в карман. Остальные деньги он положил обратно в свёрток, замотал и всё вернул обратно.

Мать взглянула на солдата, тот внимательно рассматривал копошащегося под сиденьем Андрея.

Наконец Андрей, спрятав обратно свёрток, вышел из машины и пошёл не в сторону солдата, а за их минивэн. Военный неспешно обошёл автомобиль с другой стороны, и они оба скрылись за торцевой дверью. Спустя полминуты Андрей вышел из-за автомобиля и сел в салон.

— Вот теперь всё нормально.

— Ничего святого, они же видят, что мы простые гражданские.

— Нет, мам, они видят именно тех, кто едет с грудой вещей куда-то в сторону сепаратистского региона, тут логика элементарна. И слава коррупции — мы едем дальше. Правда, не совсем напрямую.

— Через Мариуполь нельзя?

В этот момент из-за минивэна вышел солдат и помахал Андрею рукой влево, в сторону от города.

— Придётся ехать через Волноваху на Донецк, а оттуда уже в Россию.

Андрей, улыбаясь, помахал рукой солдату, вывернул руль влево и развернул автомобиль. Немного проехав назад, он свернул вправо и двинулся прямо под указатель «Володарське — 19 км». В это время солдат, разговаривавший с Андреем, достал из-под разгрузки мобильный телефон и набрал какой-то номер.

Андрей с матерью тряслись по шербохатой, много лет неремонтированной дороге. Они уже проехали Володарское и выехали на дорогу, ведущую на Волноваху, а далее — на Донецк.

— Андрюш, если там тоже не будут пускать?

— Не волнуйся, уверен, что и там любят лёгкие американские деньги.

Развилку на Волноваху миновали довольно спокойно, блокпостов не было, но военных на дороге хватало, и чем ближе они подбирались к Донецку, тем больше становилось техники и автомобилей с военными. У Еленовки всё-таки стоял блокпост. Наскоро уложенные шины давали возможность проехать прямо только змейкой, а путь преграждали несколько человек в полной амуниции. Андрей сбавил скорость и медленно подкатил к преграждающим их путь людям. Трое солдат грамотно разошлись полукругом. Первый обошёл справа и встал у передней пассажирской двери, второй остался стоять прямо перед автомобилем, а третий обошёл минивэн слева и приблизился к водительскому окну. Не глуша двигатель, Андрей опустил стекло.

— Здравия желаю! — с доброжелательностью, улыбчиво поприветствовал Андрей.

— Куда едете? — Игнорируя приветствие водителя, боец сканировал глазами внутренности минивэна.

— Вещишек много. Переезжаете?

— Да, вот дед в Донецке помер, царствие ему небесное, бабка одна осталась, надо бы присмотреть.

— Непокойно там сейчас, сепары не хотят мирно жить.

Андрей потупил взор, будто бы совсем не понимал, о чём идёт речь.

— Сепары? — Он сделал как можно более глупым выражение лица.

— Вы вообще не в курсе, что ли?

— Ну, слышал, что там референдум какой-то провели, отделиться хотели, но вы же всё утихомирите? В Мариуполе-то справились?

— Это обязательно, только вот в Донецк вам ехать нельзя. Они там всех подряд стреляют, даже сами по себе миномётами иногда бьют, будто бы это мы.

— Ого, а как же теперь нам с бабкой-то быть? — Андрей скривил максимально озабоченное выражение лица.

— Да никак.

— И что, не договоримся?

— Хм... Ну, допустим, пятьсот мёртвых американских президентов могли бы посодействовать продолжению пути, — солдат прищурился и добавил: — Каждому.

— Ого. Где ж я столько-то...

— Кончай, у тебя же есть деньги, подсказали. И проехать ты сможешь прямо или назад. И только по означенному выше тарифу.

Андрей, продолжая улыбаться, судорожно размышлял. Боковым зрением он заметил, как стоящий перед автомобилем солдат снял автомат с предохранителя и, повернувшись вполоборота к Андрею, скрывая своё оружие от глаз водителя, передёрнул затвор.

— Договорились! — Всё так же изображая дурачка, он показал пальцем себе под сиденье, мол, достать нужно, и, дождавшись утвердительного кивка, опустил голову вниз, тянувшись под сиденье.

— Мам, как только я скажу, ты должна быстро прыгнуть вниз, где стоят твои ноги. Не говори ничего, почеси нос, если поняла.

Мать изменилась в лице и побледнела, но, собравшись, подняла к лицу трясущуюся руку и почесала ладошкой нос. Возможно, он себя накрутил, но лучше быть готовым к возможным негативным событиям. И бог с ними — с деньгами: если эти вояки решили их полностью лишиться денег, это нехорошо, но не смертельно. А вот если... Андрей прямо под сиденьем размотал свёрток, вслепую пальцами отсчитал и выдернул полтора десятка листов. Поднимаясь, он намеренно ударился затылком об руль и, выругавшись, потирая голову кулаком с зажатými купюрами, незаметно выжал левой ногой сцепление, а правой рукой толкнул рукоять переключения передач вперёд и левее, когда все участники устали на трясущуюся пачку зелёных банкнот. Звук двигателя немного изменился, но никто не обратил на это внимания. Потому что всё внимание было приковано к деньгам. Вокруг, как назло, не было больше никого: только эти трое и их с мамой минивэн. Это плохо, что нет свидетелей. Андрей наконец выбрался из-под руля и, демонстрируя боль от удара, протянул пачку военному. Тот принял купюры и принялся пересчитывать.

— Тут не хватает.

— Да как же? — не переставая улыбаться, спросил Андрей.

— Это, я так понимаю, за тебя одного, а за бабу?

Андрей уже не мог держать на лице дебиловатую улыбку и заметно напрягся.

— Мы же договорились.

— Понятно, не хочешь по-хорошему. Глуши двигатель и выходи из машины.

— Да ладно, ладно, сейчас достану.

Андрей, наклоняясь, повернул голову к маме и произнёс:

— Сейчас!

В следующее мгновение он выжал акселератор, отпуская педаль сцепления, и старенький минивэн дёрнулся вперёд. Стоявший впереди солдат, опешив от неожиданности и отпрыгив-

вая в сторону, успел выпустить короткую очередь, и ветровое стекло перечеркнулось по диагонали пунктиром пулевых отверстий. Минивэн ударил в бойца, и того отбросило на сложенные покрышки. Видимо, никто из вояк не ожидал такой безбашенности водителя, и они замешкались, что дало водителю секунды две форы. Андрей петлял, объезжая покрышки змейкой, стараясь не поднимать головы. Крайнюю покрышку он всё-таки зацепил колесом, и левый борт автомобиля подбросило, но минивэн устоял. Выбравшись на прямой путь, Андрей надавил на акселератор ещё сильнее. Сзади затрещали выстрелы, и по кузову автомобиля зацокали пули. Звонко рассыпаясь, лопнули задние и боковые окна, и Андрея что-то ударило в спину повыше лопатки. Не обращая внимания на это, он бросил взгляд на пассажирское сиденье. Мать была на полу салона, но по её сиденью и на коврике растекались лужицы крови. Останавливать и смотреть нельзя, выстрелы всё ещё раздавались где-то сзади, что подтвердило разлетевшееся вдребезги зеркало заднего вида. Андрей гнал, выжимая из старенького минивэна последние лошадиные силы, до тех пор, пока не увидел очередную группу вооружённых людей в разномастных камуфляжах или вообще в гражданском. Андрей, уже в пелене покидавшего его сознания, выжал тормоз; минивэн закрутился на дороге и, протаскившись, свистя резиной, расчеркивая чёрными полосами асфальт, остановился.

С тех пор прошло уже восемь лет, и, как только смог восстановиться после ранения, все эти восемь лет он мстил. Он мстил за мать, которая не пережила той поездки. Росчерком очереди солдат ВСУ лишил Андрея матери, которая скончалась, получив два ранения в шею и грудь, так и не придя в сознание в больнице.

По прошествии некоторого времени у Андрея, состоявшего в добровольцах народной милиции, обнаружился талант к меткой стрельбе, а его физические данные и способность скрытно передвигаться и затаиваться на местности предопределили его военно-учётную специальность. Малоразговорчивый, восточного вида Андрей очень сильно походил на героя советского фильма «Белое солнце пустыни», которого звали Саид. Андрей не был против тут же прилипшего к нему позывного, ведь он не влиял на качество его стрельбы и стремление мстить.

Глава 3. Рагуль

В отличие от Саида, из которого слова лишнего не вынешь, у Рагуля рот не закрывался никогда. Выдаст шуточку по любому поводу, и даже если она никому не показалась смешной (что случалось почти всегда), сам же довольно над ней рыготал. А ещё он жрал как не в себя. Если его рот не был занят речью, значит, он ест, а частенько и то и другое одновременно.

Вообще-то Рагуля звали Тарасом. Родился он в небольшом селе неподалёку от Львова, в большой семье, где, кроме него, росли ещё три брата и сестра. Тарас был самым младшим, поэтому с детства усвоил два важных правила: за общим столом нужно есть быстро, а если хочешь, чтобы тебя слышали, говорить следует громче остальных. Оба правила он усвоил слишком хорошо и продолжал следовать им даже тогда, когда давно вырос и еду уже никто у него не отбирал.

Отец Тараса работал трактористом на местных фермерских хозяйствах, мать преподавала в сельской школе. Денег в семье никогда особо не водилось, зато водились куры, свиньи, две коровы и старенький трактор, который отец чинил чаще, чем использовал по прямому назначению. Тарас с детства крутился рядом, подавал ключи, держал фонарь и постепенно научился возвращать к жизни практически любую технику, если та ещё не успела окончательно рассыпаться на отдельные запчасти.

В детстве Тарас постоянно что-нибудь разбирал. Иногда после этого вещь начинала работать лучше, иногда переставала работать окончательно, но в обоих случаях он уверял, что получил ценный опыт. Отец ругался, потом всё равно звал младшего держать фонарь. Так Тарас научился не бояться ни сложных механизмов, ни чужого недовольства.

После школы он отслужил срочную, вернулся домой и некоторое время пытался найти работу. Работы не находилось, а есть хотелось с прежним размахом. Тогда двоюродный брат позвал его на шахту в Горловку. Тарас собирался уехать на полгода, заработать немного денег и вернуться. Однако полгода растянулись сначала на год, затем на три, а потом возвращаться стало уже незачем. В Горловке появилась работа, друзья, а немного погода и Алёна, на которой он женился. Ещё через год родилась дочь.

В шахте Тарас работал механиком. Под землёй быстро выяснилось, что за внешней несуразностью и вечной болтовнёй скрывается человек с хорошей памятью, крепкими руками и удивительным чувством направления. Он мог несколько часов двигаться по тёмным выработкам, а затем безошибочно показать, где находится ближайший выход и сколько примерно до него идти. Там же он научился по звуку определять состояние механизмов и различать опасные шумы, на которые другие не обращали внимания. Ещё шахта приучила его к темноте, тесноте и постоянному присутствию опасности. Под землёй нельзя было сделать вид, что не услышал неправильный скрежет или не заметил запах нагретой изоляции. Ошибка редко принадлежала одному человеку: если кто-то ленился проверить крепь или механизм, расплачивалась вся смена. Это правило Тарас запомнил лучше любых инструкций.

Однажды в дальней выработке произошёл обвал. Тараса и ещё одного шахтёра, Юрку, отрезало от остальных. Юрке раздробило ногу, он потерял много крови и постоянно проваливался в забытьё. Спасатели добрались до них только через семь часов, и все эти семь часов Тарас без остановки разговаривал, рассказывая анекдоты, вспоминал детство, описывал каждую девушку, с которой когда-либо пытался познакомиться, пересказывал фильмы, путал сюжеты и несколько раз подряд пересказал Юрке один и тот же случай о том, как в детстве пытался оседлать соседскую свинью. Когда истории закончились, Тарас принялся рассуждать, почему вареники с картошкой значительно превосходят вареники с творогом и почему человек, придумавший галушки, должен был понести ответственность перед всем человечеством.

Юрка то смеялся, то ругался, то просил его хотя бы минуту помолчать. А Тарас не замолкал. Он боялся, что, как только перестанет слышать голос товарища, тот уже больше не ответит.

Юрку спасли. После этого случая шахтёры стали шутить, что Тарас способен заболтать даже смерть. Сам Тарас отвечал, что смерть всё-таки женщина, а ещё ни одна женщина, кроме Алёны, не выдерживает рядом с ним дольше нескольких часов. Но никогда не рассказывал, насколько действительно страшно ему было тогда под землёй. С тех пор молчание начинало давить на него сильнее любого шума. Если рядом становилось слишком тихо, Тарас обязательно глупо шутил хоть что-нибудь, пусть даже полнейшую нелепость. Главное — слышать человеческий голос: это означало, что люди ещё живы.

Когда началась война, супруга и маленькая дочь погибли во время одного из обстрелов. Подонки ударили прямо по рынку, где они находились. После похорон Тарас связался с родными под Львовом. Родственники, как он для себя определил, окончательно «охохлились». По телефону старший брат велел ему больше не возвращаться домой, а узнав про смерть жены и дочери — пожелал ему тоже сдохнуть следом за своими новыми родственниками и вместе с теми, чью сторону он выбрал.

О своей семье Рагуль сослуживцам никогда не рассказывал. Он лишь отмалчивался или чаще всего отшучивался, немедленно переводя разговор на еду, погоду или чужие недостатки. Но, похоже, все вокруг и так всё понимали.

И ещё Тарас тоже мстил. Не конкретному расчёту, не отдельному подразделению и даже не человеку, которого мог бы назвать по имени. Он просто мстил и не видел для себя другой дальнейшей жизни.

Поначалу он бесплатно ремонтировал автомобили, генераторы и всё, что привозили ему ополченцы. Денег не просил, но от продуктов не отказывался никогда. Потом начал сам выезжать за повреждённой техникой. Несколько раз вместе с машинами вытаскивал раненых. Стрелять он умел с детства — отец часто брал его на охоту, поэтому автомат вскоре стал таким же привычным инструментом, как и разводной ключ. Он и сам не заметил, как из обычного рукастого мастерового превратился в настоящую боевую единицу.

Позывного у него тогда ещё не было. Во время оформления один из бойцов услышал характерный акцент Тараса и, посмеиваясь, спросил:

— Ты откуда такой нарядный взялся?

— С Львощины, из Шоломынь.

— Так ты у нас, значит, рагуль?

Боец явно рассчитывал задеть новобранца, но Тарас довольно кивнул:

— Рагуль так Рагуль. Коротко, звучно и два раза объяснять не надо. Только кормить не забывайте. Рагули без еды становятся дикими селюками.

Так позывной к нему и прилип. Тарас совершенно не обижался. Он вообще считал, что обидное слово принадлежит тому, кто пытается им обидеть, только до тех пор, пока человек сам его не заберёт. После этого слово становилось просто словом.

К моменту знакомства с Вжиком Рагуль уже успел повоевать, несколько раз сходил за линию соприкосновения и зарекомендовал себя неплохим разведчиком, хотя первое впечатление обычно производил совершенно противоположное. Когда Валентину разрешили самостоятельно подобрать третьего бойца, командир подразделения рекомендовал ему Тараса как опытного разведчика, механика и человека, способного ориентироваться на незнакомой местности.

На встречу с Вжиком Рагуль явился с двумя беляшами в руке. Один он сложил пополам и целиком отправил в рот ещё в дверях, второй удерживал пальцами, блестящими от масла. На плече висел автомат, на боку — подсумки, а выражение лица было таким, словно пришёл не на отбор в серьёзное подразделение, а в гости к людям, которые просто ещё не успели накрыть

стол. А пока ждал приглашения, успел окружающим рассказать три не смешных анекдота, два из которых вообще никто не понял.

Валентин с сомнением спросил:

— Ты когда-нибудь молчишь? — спросил он.

— Конечно. Когда сплю, — ответил Тарас с набитым ртом.

— А на задании?

— На задании я не сплю, — с улыбкой ответил Тарас.

— Я спрашиваю, молчать ты можешь?

Рагуль прожевал остатки второго беляша, отерев жирные пальцы о штанину, отдуваясь, пожал плечами:

— Работать буду — сами попросите заговорить.

На проверочном выходе Рагуль показал свои умения. Он растворился среди развалин так, что Вжик дважды прошёл в нескольких метрах и не заметил его. Рагуль правильно выбрал позицию, обнаружил наблюдателя противника раньше остальных и вернулся по другому маршруту, не оставив следов. Вернувшись, он первым делом достал из кармана помятое варёное яйцо, очистил его и снова принялся разговаривать. На вопросительные взгляды набитым ртом промычал:

— Ну, для равновесия. Я намолчался и не ел несколько часов, мне наверстать нужно.

Вжик некоторое время смотрел на него, затем повернулся к Саиду:

— Берём.

Так в тройке появился третий боец — боец, который за пределами задания не умел молчать, постоянно что-нибудь жевал и производил впечатление совершенно несерьёзного человека. Но если Рагуль переставал чавкать и шутить, остальные настораживались.

Глава 4. Выход

Ночь выдалась по-осеннему холодной. В низинах уже собирался первый туман, мокрая трава темнела под светом редких звёзд, а земля после нескольких дней дождя чавкала под подошвами.

Задача на очередной выход тройке была обычной только на словах: пересечь линию соприкосновения, углубиться на территорию противника, добраться до бывшего машинно-тракторного хозяйства возле небольшого посёлка и подтвердить, что туда в течение последних суток противник стягивал технику. По одним сведениям, противник оборудовал там перевалочную базу, по другим — разместил пункт управления и готовил переброску резервов. Требовалось установить количество техники, определить её назначение, по возможности зафиксировать номера, опознавательные знаки и направление дальнейшего движения.

Офицер закончил инструктаж и, обведя карандашом нужный участок на карте, поднял глаза на группу.

— Вопросы?

Рагуль, всё это время жуящий горбушку батона с салом, поднял руку и, не дожидаясь разрешения, пережёвывая, спросил:

— По питанию разрешите уточнить?

Офицер посмотрел на него исподлобья и, недоумевая, спросил:

— Чего?

— Ну, как бы, правильно я понимаю, что ужин у нас уже не входит в рацион выхода, а завтрак зависит от скорости нашего возвращения? — спросил Рагуль, отрывнув в кулак.

Офицер возмущённо посмотрел на командира группы, и Вжик кинул уничижительный взор на Рагуля.

— Понял, исчерпывающе, — сказал Рагуль, испепеляемый взглядом командира.

Офицер, убедившись, что вопросы исчерпаны, добавил:

— Если вас обнаружат, задачу прекращаете и возвращаетесь. Не устраивайте там войнушек.

Рассматривая карту через плечо Валентина, Саид указал пальцем на узкую полосу посадки, проходящую вдоль дороги, затем провёл ногтем до заброшенного хозяйства.

— Здесь можем подойти ближе.

— Если посадка цела, — ответил Валентин.

— Цела, — сказал Саид. — Я её уже видел.

— Как?

— Смотрел.

Рагуль покосился на него.

— Вот умеешь ты содержательно беседовать. Сразу чувствуется человек с богатым внутренним миром.

Саид ничего не ответил.

До переднего края Рагуль бубнил почти всю дорогу. Он успел пожаловаться на тесную обувь, качество сухого пайка, отсутствие горячего чая и несправедливость устройства мира, при котором человек, отправляющийся рисковать жизнью, вынужден самостоятельно нести всё необходимое для этого риска на собственном горбу.

Валентин слушал молча. Он знал, что перед линией Рагуль замолчит сам, хотя временами желание придушить его всё-таки возникало.

Перед самой линией они залегли в неглубокой балке. Дальше начиналась территория, на которой любой лишний звук мог стать последним. И Рагуль действительно тут же заткнулся, будто его оборвали. Не пробормотал последней шуточки, не вздохнул напоказ, не попытался завершить начатую мысль. Просто в одно мгновение перестал быть привычным клоуном. Исчезла кажущаяся неуклюжесть, движения стали мягкими и точными. Даже его снаряжение перестало издавать какие-либо звуки.

Первым двинулся Вжик, за ним Саид, последним шёл Рагуль, периодически останавливаясь и всматриваясь в темноту за спиной. Они пересекли открытую полосу и скрылись в высокой траве. Ночь была безлунной, прохладной и сырой. Где-то в стороне в нескольких километрах изредка раздавались одиночные хлопки, но здесь пока было тихо.

На половине пути впереди показался свет, и все трое одновременно прижались к земле. По дороге медленно двинулся автомобиль. Фары выхватывали из темноты стволы деревьев, кустарник и обочину. Машина остановилась метрах в ста от них. Хлопнула дверь, послышались голоса. Валентин лежал, уткнувшись в холодную землю, и смотрел вперёд. От грузовика отделилась фигура в мультикаме, вспыхнул фонарь, медленно прошёл над травой, задержался на ближайших кустах и скользнул дальше. Затем дверь снова хлопнула, двигатель набрал обороты, и свет постепенно исчез за поворотом.

Валентин выждал ещё несколько минут и поднял руку, давая команду продолжать движение.

К заброшенному хозяйству они подошли глубокой ночью. Когда-то здесь ремонтировали тракторы и грузовики, теперь от административного здания остались две стены и частично сохранившаяся крыша, а огромные ангары использовались противником. Между ними двигались люди, периодически загорались фары, работали двигатели.

Тройка заняла место на втором этаже полуразрушенного дома, стоявшего на окраине посёлка. Отсюда хорошо просматривались ворота хозяйства, часть двора и дорога, уходящая на север.

Саид устроился у разбитого окна и поднял оптику. Валентин лёг немного в стороне, приготовил блокнот и часы. Рагуль расположился у пролома в противоположной стене, контролируя улицу и подходы к дому.

Первые полчаса ничего интересного не происходило. Затем во двор хозяйства заехали два грузовика. Один почти сразу скрылся в ангаре, второй остался возле ворот. Несколько человек разгружали ящики. Саид тихо перечислял увиденное, а Валентин записывал.

Ещё через двадцать минут из дальнего ангара вышла бронированная машина, за ней ещё две. Техника выстроилась вдоль стены, не включая фар.

— Три, — произнёс Саид. — Одна командирская, — предположил он.

— Почему командирская?

— Антенны не как у всех.

Валентин отметил это в блокноте.

Рагуль повернул голову в сторону хозяйства и несколько секунд прислушивался и бесшумно подполз ближе.

— Там ещё что-то есть, — прошептал он.

Валентин посмотрел на него.

— Где?

Рагуль указал на дальний ангар.

— Вон там. Будто за стеной двигатель работает. Тяжёлый дизель на турбине. Не грузовик. Саид перевёл оптику, но с их позиции въезд в ангар не просматривался.

— Генератор? — спросил Валентин.

Рагуль покачал головой.

— Говорю же, турбина. Генератор ровнее работает. Этот прогревают. Обороты-то поднимают, то сбрасывают.

Через несколько минут ворота ангара открылись, и наружу медленно выкатился модернизированный Т-64БВ с динамической защитой. Валентин посмотрел на Рагуля, тот едва заметно пожал плечами, словно не увидел в произошедшем ничего особенного, и вернулся к наблюдению за улицей.

Ближе к трём часам ночи во двор хозяйства вошла группа военных. Среди них находился человек без оружия, но все остальные держались рядом и постоянно обращались к нему. Он несколько раз показывал на дорогу, затем на планшет.

Саид сделал несколько фотографий.

— А вот и старший.

Валентин отметил время. Теперь становилось ясно, что хозяйство использовалось не просто как склад — здесь формировали колонну.

Нужные сведения были получены. Можно было уходить, и Валентин уже собирался дать команду на отход, когда Рагуль поднял сжатый кулак.

Снизу, на улице, совсем рядом с домом, послышались шаги нескольких пар ног. К дому приближались люди. Они разговаривали в полный голос, не ожидая встретить кого-либо в развалинах. Луч фонаря ударил в дверной проём первого этажа. Тройка замерла. Лестница на второй этаж частично обвалилась, но подняться по ней всё ещё было возможно. Один из военных вошёл внутрь, второй остался снаружи. Раздался щелчок зажигалки, затем запахло табачным дымом.

— Никого нэмае, — прозвучал голос с характерным украинским или южнорусским «гэ».

— Второй этаж проверь. — Второй был вполне русскоговорящий, даже без акцента.

Луч фонаря заскользил по стене. Валентин аккуратно щёлкнул переводчиком огня своего АК-12 во второе положение. Саид развернулся от окна, направив оружие на лестничный проём. Рагуль лежал ближе всех к выходу. Он еле слышно вынул нож из разгрузки и сжал в кулаке, прижав тыльную сторону лезвия к предплечью.

На лестнице скрипнули обломки. Военный поднялся на несколько ступеней, и свет фонаря показался в проломе, на мгновение осветил потолок и исчез. Ещё шаг. И ещё. Вот-вот и луч выхватит из пыльной темноты кружок света с силуэтом Рагуля.

— Проверил? Пошли дальше! — С улицы раздался громкий окрик.

Человек на лестнице остановился.

— Зараз!

Он постоял ещё секунду, ощупывая кружком света облупленные стены второго этажа, затем начал спускаться. Послышались шаги, голоса постепенно удалились. Рагуль продолжал держать нож ещё некоторое время. Только после взгляда Валентина он осторожно вложил его в ножны и так же аккуратно, будто бы боясь на шуметь, выдохнул. Казалось, он вовсе не дышал всё это время.

— Уходим, — одними губами произнёс Вжик.

Обратно двигались другим маршрутом. Хозяйство осталось позади, но вокруг становилось всё оживлённее. По дороге прошла колонна, которую они наблюдали. Сначала послышались двигатели, затем между деревьями замелькали приглушённые фары. Тройка залегла в посадке и переждала, пока техника уйдёт на север. Саид продолжал считать машины даже во время отхода. Когда шум начал стихать, он показал Валентину на пальцах окончательное количество. Оно совпало с записями.

До линии оставалось чуть больше километра, когда позади вспыхнул мощный фонарь и по посадке ударила очередь. Тройка снова залегла. Пули срезали ветки над головами. Валентин

изменил направление и повёл тройку к развалинам небольшого фермерского дома. Едва они укрылись за остатками стены, по кирпичу застучали пули.

— Сколько? — спросил Валентин.

Саид выглянул из-за пролома.

— Четверо вроде.

Рагуль снял автомат с предохранителя.

— Ну наконец-то можно разговаривать.

— С хера ли? — отреагировал Вжик.

— Жестокий ты человек.

Рагуль сказал это без улыбки. Он контролировал противоположную сторону развалин и внимательно слушал происходящее вокруг. Через несколько секунд указал в темноту справа.

— Обход справа.

Саид переместился к другому пролому. Раздался глухой одиночный выстрел. Человек, пытавшийся обойти их, исчез в траве. В направлении основной группы противника из здания вылетел зелёный шарик РГО. Грянул хлопок, и второй противник, заверещав, упал в траву. Остальные залегли, открыли беспорядочный огонь по зданию.

— Отходим, — приказал Валентин и отправил в ту же сторону ещё одну гранату. — Нашумели, блять.

Рагуль ушёл первым и занял место за остатками бетонного ограждения. Следом переместился Валентин. Саид остался прикрывать.

Когда Валентин добрался до следующего укрытия и обернулся, Саида за стеной уже не было видно. По развалинам били очередями из двух стволов.

— Саид! — позвал Валентин в рацию.

Ответа не последовало. Рагуль посмотрел на него.

— Я быстро.

— Сиди, — отрезал Валентин.

Он уже собирался двигаться обратно, когда звуки стрельбы оборвались и чуть погодя из темноты появился Саид. Он прошёл совсем рядом с преследовавшим их противником, обогнул разрушенный дом с другой стороны и теперь оказался впереди тройки.

— Всё?

— Ну.

Рагуль покачал головой.

— Вот же человек. Ни рассказать нормально, ни похвастаться.

Дальше они уходили быстро. Возле глубокой воронки Валентин оступился на осыпавшемся краю. Земля ушла из-под ног, и он начал заваливаться вниз. Рагуль, шедший следом, успел схватить его за разгрузку и рванул назад. Несколько секунд оба скользили по скользкому грунту, пока Саид не ухватил Валентина за плечо. Они вытащили его наверх.

— Целёхонек, — сказал Рагуль. — А я уже испугался, что придётся командовать.

— Не дождёшься.

— Ну и слава Богу. Я человек ответственный, мне такое доверять нельзя.

Когда впереди показались знакомые силуэты местности, начинало светать. Валентин остановил тройку и несколько минут наблюдал, убеждаясь, что за время их отсутствия там ничего не изменилось. И только после тщательного осмотра они пересекли последнюю открытую полосу. На своей территории Рагуль заговорил сразу и без всякого перехода:

— Я молчал больше пяти часов. Прошу зафиксировать это в журнале боевых действий как отдельный подвиг.

— Шесть, — поправил Саид.

— Тем более. После такого мне положена усиленная и длительная психологическая реабилитация в столовой.

Валентин посмотрел на обоих. Он и раньше знал цену выбранным бойцам, но каждый новый выход всё больше доказывал, что на обоих можно положиться. Саид не поддавался азарту и не сделал ни одного лишнего выстрела. Он видел больше остальных, оставался спокойным и вернулся тогда, когда другой мог решить, что безопаснее уходить одному. Рагуль в очередной раз оказался именно таким, каким его знал Вжик. За линией от его болтовни не осталось и следа. Он замечал то, чего нельзя было увидеть, держал свой участок и не раздумывая схватил командира, когда тот начал падать в воронку. Да и сам Валентин снова убедился, что не оставит ни одного из них, даже если ради этого придётся вернуться туда, откуда обычно не возвращаются.

К исходной позиции они подошли уже на рассвете. Встречающей буханки ещё не было, поэтому тройка укрылась в полуразрушенном доме на окраине заброшенного хутора. От крыши осталась половина, окна были выбиты, а в углу валялась старая детская кровать с пружавшими пружинами.

Рагуль сел у стены и немедленно достал из рюкзака какой-то свёрток, вокруг сразу запахло краковской.

— Ты когда-нибудь перестаёшь жрать? — зная ответ заранее, спросил Валентин.

— Во время выполнения боевой задачи.

— Я видел, как ты по дороге туда что-то жевал.

— То была подготовка к задаче.

Он отрезал кусок колбасы, положил на кусок серого подсохшего хлеба и замер. Из соседней комнаты донёсся тихий, никому, кроме него, не слышный шорох. Цыкнув, Рагуль поднял ладонь. Саид поднял оружие. Все трое застыли и превратились в слух.

Шорох повторился, его уже слышали все, затем что-то едва слышно царапнуло по деревянному полу.

— Животинка какая-то, — улыбнувшись, сказал Рагуль.

Он отломил небольшой кусок колбасы и бросил в тёмный дверной проём. Кусок упал на пол и остался лежать в полоске утреннего света.

Все расслабились — слуху Рагуля можно доверять.

— Кого ты там прикармливаешь? — спросил Валентин.

— Пока не знаю, но с местным населением нужно налаживать отношения.

Снаружи послышался шум двигателя приближающегося автомобиля.

— Эх, жаль, не пообщались, — сказал Рагуль, бросил недоеденную корочку хлеба туда же и, собрав в свёрток остатки еды, поднялся. Бойцы вышли из дома, и уже через минуту автомобиль увёз их с хутора.

В пустой комнате снова стало тихо. Кусок колбасы с корочкой хлеба ещё некоторое время лежал возле дверного проёма. Затем в темноте что-то осторожно шевельнулось, и они исчезли.

Глава 5. Один

Он долго не выходил. Грохочущее железо уже утащило людей, но их запахи всё ещё оставались в доме. Они присутствовали на полу, на стенах, на старой пыли. Один из людей пах железом, маслом и землёй. Другой был резким и уверенным. Когда звучал его голос, остальные сразу замолкали. А третий запах был вкусным. От него пахло едой, тёплой одеждой и чем-то уютным. Возле такого хотелось свернуться маленьким комочком, прижаться поближе и уснуть.

Теперь голосов не было. Он лежал в темноте, прижавшись к холодному полу, и слушал. Снаружи стихал гул двигателя, потом исчез и он. Остался только ветер, шевеливший сухую траву возле дома. В полоске утреннего света лежало что-то вкусно пахнущее. Запах был таким сильным, что нос сам потянулся к нему, а пустой желудок болезненно сжался и заурчал. Но между тёмным углом и едой было слишком много открытого пространства. Там могли появиться ноги. А к нему протянуться руки.

Руки он помнил.

Сначала рядом была мама. Большая и тёплая. От неё всегда пахло вкусно, и возле неё ничего не было страшно. Однажды мама ушла и больше не вернулась. После этого они с братом остались вдвоём. Брат пах почти так же, как и он сам. С ним было теплее спать. Иногда брат забирался на него сверху, потому что сверху тоже было тепло. Тогда он сердился, выбирался из-под него и укладывался рядом. Но вскоре они всё равно снова сбивались в один тёплый комок. Еду они искали вместе. Вместе прятались, когда рядом становилось шумно. Если пугался один, второй тоже сразу начинал бояться, даже если ещё не понял, чего именно.

Потом пришли люди.

У них были яркие полосы ткани на рукавах. Они громко разговаривали, топтали тяжёлыми ногами, заглядывали во все щели и пытались схватить его и брата. Он забился глубоко под обломки и прижался к полу так сильно, как только мог, а брата поймали. Под обломками он ничего не видел. Только слышал, как брат громко плакал. Так громко, как никогда раньше. Ему было больно, а люди смеялись. И чем больнее ему было, тем громче смеялись люди, тем громче плакал брат.

Потом плач прекратился. Через некоторое время люди ушли. А он долго не решался выбраться. Ждал, пока исчезнут шаги, голоса и запах людей. Ждал, когда вокруг снова станет тихо.

Брата он так и не нашёл — только запах горелой шерсти и следы давно прогоревшего костра.

С того момента смех стал страшнее крика, а протянутая рука — опаснее голода.

Поэтому сейчас он не спешил. Сначала немного вытянул шею и замер, послушал, подался вперёд ещё чуть-чуть и снова прижался к полу. Еда не двигалась. Он подобрался ближе, вытянулся всем телом, схватил ароматные кусочки и отскочил обратно в темноту.

Еда оказалась мягкой и очень вкусной. Он проглотил её почти не жуя, облизнулся и чуть позднее вернулся поискать крошки. Их было совсем мало — он собрал с пола все до последней, ещё раз обнюхал место, где лежал кусочек, и, казалось, до блеска вылизал старую доску.

Он прошёл по комнате, осторожно ступая между осколками. Там, где сидели люди, запахи были сильнее, особенно тот вкусный и уютный. Он нашёл возле стены место, где человек сидел дольше всего, несколько раз повернулся и улёгся, прижавшись боком к ещё сохранившему немного тепла полу. Запах, конечно, не кормил, но рядом с ним почему-то было спокойнее и, казалось, безопаснее. Он уснул.

Проснулся от далёкого грохота. Стены едва заметно дрогнули, с потолка посыпалась пыль. Он вскочил и бросился в тёмную комнату, забился под остатки старой кровати. Грохот больше не повторился, но наружу он вышел не сразу. Лишь когда солнце уже стояло высоко и в доме стало жарко и душно, он решился высунуть нос.

Он выбрался во двор. Там долго принюхивался, прежде чем подойти к старой ржавой бочке, возле которой лежал вдавленный в землю кусок металла, в котором собиралась дождевая вода. Вода была тёплой, пахла ржавчиной и землёй, но он пил долго, почти не отрываясь. Потом побродил возле брошенных и побитых домов, нашёл засохшую корку хлеба, но она оказалась такой твёрдой, что её пришлось долго грызть. За одним из заборов пахло чем-то съедобным, однако запах был старым. Он раскопал землю, нашёл косточку и долго носил её с места на место, прежде чем спрятать под стеной своего дома. Так было правильно: еду нужно прятать — вдруг потом её больше не будет.

К вечеру он снова лёг там, где ещё едва сохранялся уютный запах.

Те, кто уходил, обычно не возвращались. Но иногда со стороны дороги доносился гул двигателя. Тогда он поднимал голову ещё до того, как успевал испугаться, выбирался наружу и втягивал воздух. Запахи каждый раз были чужими. Грохочущее железо проезжало мимо, и он снова возвращался в дом. За ночь знакомые запахи сделались ещё слабее. Утром он долго искал их, водя носом над полом. Он обошёл все три места и опять улёгся возле стены.

Днём пришлось уйти за едой. Он нашёл в траве что-то маленькое, быстрое и очень интересное, но оно спряталось в норе. Он пытался выкопать еду, но та оказалась проворной и куда-то исчезла. Потом увидел большую чёрную птицу, клюющую что-то возле дороги. Он осторожно подкрался, почти добрался до неё, но птица заметила его и, громко хлопнув крыльями, улетела. Он задрал голову и ещё долго смотрел ей вслед, не понимая, как она сумела подняться так высоко. Вернулся он ни с чем. Есть хотелось, но было терпимо, поэтому он не стал раскапывать спрятанную косточку.

Вечером пошёл дождь. Капли стучали по остаткам крыши и залетали в разбитые окна. Он забрался под кровать, свернулся и спрятал нос под лапу. Рядом не было ни мамы, ни брата, к которым можно было бы прижаться, приходилось греть себя самому. Ночью ему несколько раз слышались шаги. Он просыпался, скидывал голову и слушал, но это только дождь ронял с крыши капли.

Утро оказалось холодным. Он выбрался из дома, попил из свежей лужи и пошёл к дороге. Там было много разных запахов. Некоторые были совсем свежими, и к ним лучше было не приближаться: от них веяло опасностью. Он побродил вдоль канавы, нашёл кусок грязного пакета, пахнувший то ли мясом, то ли чем-то похожим, и долго его облизывал. В этот момент издалека донеслись аккуратные шаги. Он сразу спрятался в густой траве. Людей было несколько. Они приближались со стороны посадки и шли прямо к дому. Он прижал живот к мокрой земле и замер. Сначала ветер дул не в ту сторону, принося только запах травы, грязи и сырости, потом направление сменилось, и он поднял голову, принюхавшись сильнее. Железо... Масло... И вкусный, тот самый вкусный и уютный!

Тело само подалось вперёд, но он тут же остановился. Люди уже однажды пахли едой. Те, с яркими полосками на руках. От одного из них резко тянуло аптечной мазью. Он смеялся коротко и хрипло, словно икал после каждого смешка. Потом брат закричал.

Он остался в траве.

Трое вошли в дом. Послышались знакомые голоса.

— На этот раз машина хотя бы приедет вовремя? — спросил вкусный.

- Откуда я знаю? — ответил резкий голос.
- Ты командир. Ты должен знать всё!
- Я знаю, что ты сейчас сядешь и будешь молчать.
- Вот уже неправда — я могу одновременно и сидеть, и разговаривать.
- И жрать! — сказал третий.

Все тихонько рассмеялись, и он напрягся. Он слушал их, не двигаясь. Резкий голос одного всё так же заставлял инстинктивно вздрагивать всё тело, но почему-то сейчас в нём не было видимой опасности. Вкусный человек говорил спокойно, негромко. Иногда в его голосе появлялся смех, и тогда тело снова само сильнее прижималось к земле.

Он набрался смелости, аккуратно выполз из травы и ползком добрался до ближайшего куста. Подождал. Потом коротко перебежал к развалившемуся забору и спрятался за доской. Никто его не заметил. Он сделал ещё несколько осторожных шагов, подполз к груде кирпичей и затаился. Отсюда люди были видны лучше, и ещё они интересно отражались в осколках стёкол на кирпичах. Трое зашли в дом, и вкусный сразу сел у стены на том же месте, что и раньше. Железный находился возле окна. Резкий стоял у двери и смотрел наружу.

Сердце билось так быстро, и ему очень хотелось оказаться ближе к знакомым запахам, но открытое место перед домом было большим. Слишком большим. Он перебежал ещё ближе — прямо под окошко дома. Снова остановился. Они совсем рядом. Ему было страшно, но он чувствовал, что они добрые, и он так радовался, что едва зацепил хвостиком осколок стекла под выбитым окном. Из дома донёсся шорох, и он вжался в землю, замерев, стараясь стать совсем маленьким и совсем незаметным.

— Тс-с, — шепнул Рагуль.

Саид поднялся и прижался к стене у окна. Несколько секунд ничего не происходило. Затем из-за большого обломка стены показалась мохнатая голова.

Одно ухо стояло торчком, настороженно поворачиваясь на каждый звук. Второе беспомощно висело набок.

— Пёсель! — радостно воскликнул Рагуль.

Он аккуратно приблизился к окну. Собачонок, заметив движение Тараса, высунулся из-за обломка полностью. Это был беспородный щенок двух или трёх месяцев от роду. Чуть вытянутое тело держалось на коротковатых крепких лапах, передние казались слишком широкими и словно были оставлены ему на вырост. Голова была широковатой, а длинный пушистый хвост почти касался земли. Под слоем пыли и засохшей грязи угадывалась тёмная шерсть с белыми пятнами и с белой же грудью, светлой полосой на морде и рыжими дугами бровей над глазами. Репейник запутался в густом пуху на боках, но даже грязь не могла скрыть, насколько он был пушистым.

Щенок смотрел на людей, вытянув шею. Он водил стоящим ухом из стороны в сторону и неуверенно помахивал хвостом, явно опасаясь.

Рагуль улыбнулся.

— Не двигайся, — приказал Валентин.

Рагуль замер.

— Я и не двигаюсь.

— Улыбаться тоже перестань. Видишь, боится твоего оскала.

Рагуль медленно достал из рюкзака свёрток. Щенок смешно наклонил голову, висящее ухо забавно качнулось.

— Вот, значит, кто колбаску ту схрумкал, — сказал Рагуль.

Рагуль отломил маленький кусочек и показал его щенку. Тот, облизываясь, смотрел на еду, но ближе не подходил, топтался на месте, помахивая чёрным хвостом с белым, как у лисицы, кончиком.

— Иди сюда, маленький, — сказал Рагуль и протянул руку.

Щенок исчез за обломком так быстро, словно его там и не было. В голове возник чужой смех. Вспыхнула протянутая рука, откуда-то издалека послышался плач брата. Укрывшись за крупным обломком стены, он прижал всего себя к земле так сильно, что, казалось, сейчас провалится в преисподнюю.

— Руку убери, — сказал Валентин.

— Я же кормлю.

— Не доверяет. Боится. Не видишь, что ли?

Рагуль посмотрел на него, но спорить не стал. Вышел через пролом из дома, медленно опустился на корточки, положил кусочек колбасы на землю и так же медленно сделал два шага обратно к стене.

Щенок не показывался.

— Ушёл, — сказал Саид.

— Никуда он не ушёл, — ответил Рагуль. — Слушает.

И оказался прав. Сначала из-за обломка показалось стоящее ухо, оно повернулось в одну сторону, потом в другую, следом появились глаза и нос. Люди неподвижно наблюдали. Они улыбались, не так зло, как те. Эти улыбались по-другому.

Он поднялся с земли, сделал пару шагов и остановился. Посмотрел на вкусного, потом на еду. Затем резко подбежал, схватил кусочек и снова спрятался так быстро, что никто из команды даже не успел отреагировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.